

Следующие несколько дней Гу Цзяо никуда не выходила, оставалась дома, чтобы учиться писать под руководством Сяо Люаня и сопровождать последнего в его послеоперационной реабилитации.

Казалось, что Сяо Люаню было абсолютно всё равно, сможет ли он снова нормально ходить или нет. Это Гу Цзяо заметила еще до операции, она совершенно не знала, через что ему пришлось пройти, что его сердце стало таким ледяным, в нем не было ни любви, ни страсти к жизни.

Тогда Фэн Линь боялся, что во время операции с ним произойдет несчастный случай, но сам Сяо Люань согласился на неё без лишних колебаний, но не тому, что был храбрым или бесстрашным, а потому, что для него не имело значения умрет он или нет.

Но Гу Цзяо не позволит ему умереть и никому не позволит покалечить его.

«Пора тренироваться», - Гу Цзяо закончила уборку в доме и пришла в комнату Сяо Люаня.

Теперь, когда она все меньше и меньше считала себя посторонней, она входила в его комнату, даже не постучав в дверь.

Лицо Сяо Люаня мгновенно скривилось.

Но вовсе не потому, что она вошла без стука, а потому, что он очень не хотел тренироваться.

Гу Цзяо догадывалась, что он отреагирует именно так, поэтому не дала ему ни малейшего шанса отказаться. Она подошла к нему и стащила его со стула. Она мало того, что вошла в его комнату так непринужденно, но и тянула его за собой самым бесцеремонным образом, разве не существовал запрет на прикосновения между мужчиной и женщиной!

Сяо Люань слегка наморщил брови, но как он мог сопротивляться, прыгая на одной ноге? В итоге, Гу Цзяо все равно вытащила его из комнаты.

«Костыль», - сказал Сяо Люань.

Гу Цзяо подняла брови: «С сегодняшнего дня никакого костыля».

Сяо Люань бросил на нее косой взгляд и холодно сказал: «Я не могу ходить без костыля».

Гу Цзяо скрестила руки на груди и очаровательным голосом произнесла: «Если ты не можешь ходить без костыля. Я помогу тебе, теперь я буду твоим костылем!»

Не думайте, что она ничего не замечала. Каждый раз, когда он использовал свой костыль, он не тренировал свою ногу должным образом. Весь свой вес он переносил на костыль, так что его правая нога совсем не получала физической нагрузки.

Сяо Люлань нахмурился.

А Гу Цзяо с улыбкой сказала: «Если тебе нужен твой костыль, тогда иди и возьми его сам».

С его немощной правой ногой, как он мог пойти и взять его сам? Он мог только допрыгать туда на левой ноге.

Однако, представив, как нелепо он будет выглядеть, прыгая на одной ножке, он решительно отказался от этой идеи!

Таким образом, склонность Сяо Люланя бездельничать, используя костыль, была пресечена Гу Цзяо на корню.

Он мог спокойно опираться на костыль, но не мог также опираться на мягкое маленькое тело Гу Цзяо, потому что ...

«Муж, не опирайся на меня так сильно. Ты должен научиться опираться больше на свою ногу».

«Вот так, вот так!»

«Опирайся на ногу сильнее, иначе ты меня раздавишь!»

«Как ты можешь ожидать так много от такой слабой и хрупкой женщины, как я?!»

Сяо Люлань стиснул зубы: «... просто одолжи ... одолжи мне немного силы!»

Что заставляет тебя говорить такие бесстыдные слова?! Не мог бы ты просто попридержаться язык за зубами?!

Сегодня Сяо Люлань был вынужден идти, действительно прилагая усилия. Обычно с костылем он мог пройти около дюжины кругов, несколько не устав, но сейчас достаточно было пройти один круг, чтобы ему захотелось умереть. Строгая Гу Цзяо также объявила, что количество шагов в день должно быть не меньше ста.

Пройдя сто шагов, Сяо Люлань весь промок от пота.

Гу Цзяо взяла платок и вытерла ему пот с лица: «Муж, у тебя болит все тело, как будто тебя

переехала большая карета? Ты так устал, что не можешь больше двигаться, не можешь даже пошевелить и пальцем, а нога все время непроизвольно дрожит ...»

Сяо Люлянъ: «...»

Он, наконец-то, покончил с сегодняшними страданиями, и теперь настала его очередь мучить Гу Цзяо.

«Практиковалась ли ты сегодня в каллиграфии?» - сурово спросил он.

Гу Цзяо, которая еще секунду назад ехидно злорадствовала, вдруг замерла при этих словах.

В этот момент Сяо Люлянъ почувствовал небольшое удовольствие от мести. Он сузил глаза и сказал: «Ты заставляешь меня так много ходить, но сама нисколько не практикуешься в каллиграфии. Со вчерашнего дня ты не написала и ста иероглифов».

Гу Цзяо с досадой почесала свою маленькую головку!

Она ненавидела выводить каллиграфию кисточкой! Особенно иероглифы государства Чжао, в которых было так много штрихов!

Сяо Люлянъ усмехнулся и сказал: «Если ты не напишешь сегодня, то завтра придется удвоить норму, и тебе придется написать двести иероглифов».

Гу Цзяо ответила: «Тогда завтра ты пройдешь двести шагов!»

Сяо Люлянъ: «Я не буду этого делать».

Гу Цзяо: «Тогда я не буду писать!»

Сяо Люлянъ: «Как пожелаешь».

Гу Цзяо: «...»

Неважно, научится она писать или нет, но он должен пройти весь цикл восстановления, иначе он останется калекой до конца жизни.

Однако Сяо Люлянъ было абсолютно все равно, останется он калекой или нет. Он бросил равнодушный взгляд на Гу Цзяо и с торжествующим выражением лица вернулся в комнату.

Сяо Люлань догадался, что Гу Цзяо не любит заниматься каллиграфией. Поначалу ей стало просто любопытно узнать слова, написанные в рецепте, возможно, это было по прихоти, но после того, как она, попробовав, почувствовала, насколько это утомительно, она решила отступить.

Он был уверен, что Гу Цзяо не станет писать так много слов.

Кто бы мог подумать, что на следующий день, едва открыв глаза, он увидит маленькую фигурку, сидящую со скрещенными ногами на его кровати. Скрестив обе руки на груди, она с сердитым выражением лица, как у сварливой дикой кошки, смотрела на него глазами, под которыми виднелись два темных круга.

«Что ты делаешь?» Сяо Люлань в ужасе посмотрел на нее. Он понятия не имел, как долго она здесь находится. Неужели она просто смотрела на меня, пока я спал?

Гу Цзяо холодно хмыкнула, вытащила из-за спины толстую стопку бумаги с написанными на ней иероглифами и величественно бросила их перед ним: «Муж! Вот те иероглифы, которые ты просил!»

Сяо Люлань посмотрел на иероглифы на бумаге, затем на темные круги под её глазами и нахмурился: «Ты ведь не спала всю ночь, чтобы написать это?»

Сколько иероглифов она написала? Она что сошла с ума?!

Гу Цзяо была похожа на маленького зверька, который, наконец-то, показал свои клыки: «Тысяча слов! Сегодня ты пройдешь за это тысячу шагов!»

Сяо Люлань: «...»

.....

С этого момента в семье Гу для старушки наступили дни нескончаемых удовольствий, помимо щелканья дынных семечек, поедания цукатов и задиранья маленького сына Сюэ Нинсян, добавилось ежедневное наблюдение за тем, как эти двое мучают и ненавидят друг друга.

«Цзяо Цзяо, Люлань сделал на один шаг меньше!» Старушка, наблюдающая за этим противостоянием, не гнушалась подкинуть в топку дровишек.

В этот момент Гу Цзяо выскочила из кухни с кухонным ножом в руке.

Глядя на кухонный нож, которым можно было зарубить корову, Сяо Люлань сразу погрузился!

Та застенчивая девочка, склонившая голову под ветром и снегом, смиренно ожидала, когда я накину на нее плащ ... в конце концов, получается я тогда ошибся ...

.....

В мгновение ока наступил пятнадцатый день первого месяца, и Академия Тяньсян снова открыла свои двери для учеников.

Сяо Люлань встал рано и собрал свои вещи.

После столь долгого времени общежитие академии уже должно было быть отремонтировано. И теперь, когда он поселится в общежитии, больше некому будет заставлять его так много ходить пешком.

Гу Цзяо не сказала ни слова, когда он собирал свои вещи.

Она, как обычно, просто проводила его к повозке Второго дядюшки Луо и вручила ему костыль. А когда он уже отъезжал, она, как будто внезапно вспомнив о чем-то, улыбнулась и сказала ему: «Ах, да. Я была так занята в последнее время, что чуть не забыла упомянуть кое-что. В академии тебе будет неудобно заниматься ходьбой, поэтому я поговорила об этом с деканом, когда навещала его в последний раз. Тебе не придется оставаться в академии до тех пор, пока ты ... полностью не поправишься».

Сяо Люлань: Как гром среди ясного неба!!!

Вскоре после ухода Гу Цзяо пришел Гу Сяошунь.

Гу Сяошунь сел рядом с Сяо Люланем и спросил: «Шурин, что ты делаешь с этим багажом?» Гу Сяошунь взял с собой только книги.

Сяо Люлань просто не мог сказать ему: Меня подставила твоя старшая сестра. Вместо этого он спросил: «Ты не будешь жить в академии?»

Гу Сяошунь ответил: «Раз шурин не будет там жить, то и я, конечно, тоже не буду! Я буду сопровождать тебя! Если что-то случится по дороге, будет кому о тебе позаботиться».

В конце концов, он был деревенским хулиганом номер один на десять миль и восемь деревень в округе, поэтому защитить своего шурина он мог без каких-либо проблем!

Сяо Люлань сдерживал свой гнев: «Почему ты не сказал мне об этом раньше?»

«Старшая сестра не дала мне это сделать, она сказала, что хочет сделать тебе сюрприз!» Гу Сяошунь развел руками и с улыбкой сказал: «Как тебе сюрприз, шурин? Ты удивлен?»

Зубы Сяо Люланя яростно заскрипели: Гу Цзяо!!!!!!!!!!

Перевод: Флоренс

<http://tl.rulate.ru/book/63867/1857944>